

Брайди

Холлингвуд

Октябрь, 1927

Утром, когда петух пропел давно, но колокол на ратуше еще не отбил восемь ударов, Брайди, крепко ухватившись за рифленые ручки овального серебряного подноса, на котором позвякивал завтрак мистера Холлингворта, вышла из кухни и ступила на узкую лестницу. В отличие от особняков на Пятой авеню, где служила ее землячка, перчатки не входили в униформу прислуги Холлингвуда, однако временами Брайди их надевала, дабы не залапать столовое серебро и, стало быть, чистить его пореже.

Завтрак мистера Холлингворта был скуден по сравнению с теми утренними трапезами, что прежде она готовила вместе с Нетти: кровяные колбаски и заварной крем, пончики и оладьи с фруктовым джемом, яйца-пашот, омлет или яичница — глазунья либо обжаренная с обеих сторон, как пожелают хозяин и его четверо детей. Однако то было давно, когда дети были

маленькие, а завтраки в столовой — шумным семейным собранием, знаменующим начало дня, но не нынешней тихой кормежкой развалины, почти не встающей с кровати.

Нынче завтрак мистера Холлингворта состоял из яйца-пашот на гренке, кофе и сливок, которые Брайди собрала с верха бутылки, утром оставленной у дверей ребятами Байфилдами, от отца перенявшими молочный бизнес. Гренок был приготовлен на жаровне, хотя в доме недавно появился электрический тостер, теперь убранный в кладовку, дабы не маячил немым укором. Сара, старшая дочь семейства, привезла его с передвижной выставки домашней утвари в Хартфорде. Но Брайди не доверяла замысловатой штуковине, убежденная, что той не поддурманить гренок как надо, и, главное, опасалась, что дернет током. Почти все свои тридцать пять лет она готовила гренки на жаровне. И зачем изменять привычке, если так наловчилась, что руки сами всё делают? Электрический сепаратор для сливок, прибывший с той же выставки, занял место рядом с тостером; и тот и другой были укутаны покрывалом, защищавшим их от пыли и глаз Сары, случись ей забрести в кладовку.

Электричество Брайди принимала умеренно. Дом электрифицировали без малого двадцать лет назад, вскоре после того, как она сошла с парохода, доставившего ее из западного графства Ирландии, где об электрических лампах не слыхивали, и ничего, слава тебе господи, жили. Конечно, шить и читать так-то оно сподручнее, чем при мигающем пламени свечи. И еще

электрической морозилке Брайди воспевала хвалу. Но американцы считают, что чем больше хорошего, тем лучше. Электрические утюги, швейные машинки и даже зажигалки для сигар — они-то на кой сдались? Хотя вот мистер Таппер, электрик, говорил, что подобные устройства берегают силы и без них домработнице уже не обойтись.

Внизу звякнул звонок. У двери черного хода. Некстати. Стараясь не накренить поднос, Брайди осторожно развернулась и сошла вниз. Пристроила поднос на стол, накрыла серебряным куполом, сняла перчатки и отворила дверь.

На крыльце, выкрашенном серой краской, стоял мистер Таппер. Будто услышал, как Брайди мысленно охаяла его ремесло.

— Входите, входите! — Она радушно распахнула дверь, словно извиняясь за свое злословье.

Мистер Таппер снял кепку и, войдя в дом, опустил инструментальный ящик на широкие сосновые половицы.

— В моем сегодняшнем списке Кэнфилды стояли первыми, но к ним приехали гости. Поэтому я займусь вашими переключателями, если сейчас вам удобно.

— Чудесно. — Брайди затворила дверь. Нынче воробьи расквохтались, точно куры. Вчера один влетел в приоткрытую дверь и Брайди битый час шугала его из дома.

Когда электрифицировали дом, мистер Холлингворт, как и большинство хозяев, потребовал установить переключатели, позволявшие, лишний раз не вызывая

мистера Таппера, вернуться к газовому освещению, буде электричество окажется лишь преходящим увлечением. Теперь стало ясно, что новшество прижилось, народ всюду пользовался безопасной электроэнергией. А вот переключатели барахлили. В прошлом месяце из-за утечки газа в переключателе вспыхнул дом на Мэйн-стрит. Мистер Таппер был так занят, что очередь к нему растянулась на месяцы.

Нынче его визит выглядел гораздо предпочтительнее, нежели в декабре, — дата была помечена в настенном календаре. Сейчас-то еще октябрь. До праздников далеко, и лучше пережить беспорядок до поры гостей и увеселений. Кроме того, Сара и Эдмунд за границей, а значит, не увидят разгром, который непременно учинит мистер Таппер. Из-за любых перемен в доме Сара нервничала.

Ее дед, губернатор Коннектикута, построил Холлингвуд по собственному проекту, вот почему Брайди никогда не видела таких домов. Самый большой в городе, он был сложен из камней, добытых в местных, ныне уже закрытых каменоломнях. Брайди он казался домом из сказки. Фасады на обе стороны, длинные коридоры, эркеры, несколько входов, террасы и четырехэтажная восьмиугольная башня. Верхние арочные окна были витражные, как в церкви, и Брайди, поднимаясь в башню смести дохлых мух и обмахнуть пыль со старого телескопа, которым никто не пользовался, всякий раз ненадолго прикидала к цветным стеклышкам, любуясь красотой луга и озера в кайме вечнозеленых деревьев, похожих на театральную декорацию.

Брайди предложила мистеру Тапперу чай и еще теплую лепешку, которой электрик, стоя у кухонного стола и стараясь не ронять крошки в бороду, прилежно угостился. Обмакивая лепешку в чай, он извинился за дыру, которую придется проделать в стене. Понадобятся новые обои взамен испорченных. Брайди задумалась, не отменить ли всё. Наверное, следовало посоветоваться с Сарой, но они с Эдмундом в Италии — продолжительным лекционным туром по озерному краю отмечали годовщину свадьбы. Семнадцатую. Поженились они летом 1910-го, через год после появления Брайди в Холлингвуде. Неужто столько времени прошло?

Из детей теперь только Сара жила в родном доме. Вскоре после свадьбы они с Эдмундом вернулись в Холлингвуд, когда Сара поняла, что двух миссис Портер в одном доме многовато. Она получила разностороннее образование (политика, живопись, садоводство), но не умела, как говорится, сварить яйцо. Сара всегда искала счастья на стороне — всюду, кроме дома, хотя именно там оно ее ждало.

Вот из-за этого-то, считала Брайди, и страдал Винсент. Она всегда была чутка к мальчику, пытаясь облегчить его боль от материнского невнимания, и ее печалило, что старания ее не увенчались успехом. Но Винсент уже не мальчик. Ему восемнадцать, и как же удачно для него и всех них, что Великая война закончилась и угроза пасть ее жертвой над ним не витала.

Если сейчас мистера Таппера отправить восвояси, вновь он объявится лишь к Рождеству, а это совсем не

дело — на праздники занять разгром в вестибюле. Пока электрик расправлялся с лепешкой, Брайди сходила в подвал и вернулась со старыми простынями, хранившимися в ларе для всякой всячины. Наученная горьким опытом, она знала, что мебель лучше прикрыть.

Чтоб мастеровой не топтал хороший ковер в столовой, Брайди повела его к месту работы кружным путем — плечом (руки были заняты простынями) отворила застекленную дверь в кладовую и далее коридором мимо бельевой.

В вестибюле взглянув на витые медные рукоятки переключателей, которые предстояло убрать, Брайди с тоской подумала об уроне, какой претерпят обои. Правда, сейчас в городе имелся хороший обойщик, а на антресолях хранился запасной рулон обоев, предусмотрительно оставленный французенкой-декоратором, занимавшейся домом.

В вестибюле мистер Таппер помог укрыть простынями стулья и столики, после чего Брайди вернулась в кухню. Она потрогала серебряный кофейник, проверяя, теплый ли (из-за чувствительных зубов мистера Холлингворта горячий кофе не годился), натянула перчатки, подхватила поднос и вновь ступила на лестницу.

Уже на первой площадке ее настиг жуткий грохот в вестибюле, и перед глазами тут же возникло страшное видение. Спальня мистера Холлингворта находилась как раз над местом работы мистера Таппера, и Брайди представила, как старые стены не выдержат,

потолок обвалится и кровать с хозяином грохнется прямо у парадной двери.

На ходу Брайди чиркала боком по деревянной балюстраде, ограждавшей площадку, — давняя привычка из-за боязни скovyрнуться с узкой лестницы. Коридор в ту часть дома, где прежде жила вся прислуга, а сейчас осталась только Брайди, был темен. Когда Нетти собралась замуж и ушла со службы, Брайди не заняла ее комнату, которая была побольше. Осталась в своей комнатухе с низким потолком, окно которой выходило на озеро. Там ей нравилось. Там свет хороший.

В прошлом году мистер Холлингворт временно переехал в бывшую комнату Нетти, смотревшую на север и потому самую темную. Порой даже от неяркого света у него болели глаза. Брайди быстренько стачала шторы из тяжелого бархата. Нетти, захавшая из Массачусетса, усмехнулась — уж больно чужеродно смотрелись они в комнате служанки.

Брайди свернула в хозяйское крыло; грохот из вестибюля стал громче, следом послышался хруст штукатурки. Значит, стенку проббили. Хорошо, что этого не видит Сара, которая всякую поломку в доме воспринимала как собственную рану.

Брайди нащупала ногой порожек в коридоре. Надо сказать мистеру Холлингворту, что яйцо нынче снесла Фисба. Лучшая несушка в курятнике, у нее яйца всегда крепкие и вкусные. Яйцо-то и впрямь от Фисбы? Поди знай, яйца были собраны еще вчера. Но старики — как малые дети: что им скажут, тому и поверят. Аппетит у мистера Холлингворта (вернее, то, что от

него осталось) по утрам лучше. Вчера он почти не приронулся к ужину. А должен есть, чтоб поддерживать силы. Брайди постаралась, чтобы завтрак выглядел как можно привлекательнее.

Даже украсила поднос. С утренней почтой пришла открытка от Сары, из города с непроизносимым названием. Город на горе казался выстроенным из детских кубиков. Брайди прислонила открытку к вазочке с пурпурной анемоной — последним даром увядающего сада.

Будем надеяться, Сара не забыла послать открытку Винсенту на адрес школы.

Имя курице дал Винсент, было это несколько лет назад, перед тем как он отправился в школу на том краю озера. К поступлению в Тробразидж парень готовился основательно: тягал штангу, отказался от белого хлеба, сидел на новой диете, вырабатывая характер.

Его вступительным заданием стал перевод с латыни на английский истории Пирама и Фисбы. На веранде библиотеки Винсент корпел над книгой, а затем угостил Брайди повестью о юных влюбленных, разлученных родителями. Пряча набрякшие слезами глаза, она устала на иголку, которой вышивала его инициалы на носовом платке, и прикусила язык, дабы не рассказать, о чем ей напомнила эта история.

Подходя к комнате хозяина, Брайди, как обычно, пропела:

— Ваш завтрак, мистер Ха! Утречком Фисба для вас расстаралась!

Мысленно прикидывая, чем сегодня займется, она тихонько толкнула локтем неплотно прикрытую дверь. Сейчас усадит мистера Холлингворта в подушках повыше, чтоб пища, не дай бог, не попала в дыхательные пути, и, пока он ест, а потом через лупу размером с его голову читает газеты, она сходит в кладовую и закончит разводить воск с уксусом, дабы этой смесью отполировать полки и стол в библиотеке. Пятница — день уборки. Этому порядку — в понедельник стирка, во вторник глажка и так далее — ее обучили на курсах домоводства при монастыре Святой Урсулы. Нынче во многих домах отказывались от устаревшей системы — мол, пусть домработница сама решает, когда и что делать, но Брайди была ей верна, считая, что так от работы больше толку, тем более когда в доме всего одна служанка.

На кровати никакого шевеленья. Как можно спать, когда внизу так грохочут? Ну да ладно, лишние минутки сна ему не повредят. Последнее время он спал мало, всё жаловался на бессонницу и боли. Наверное, вместе с вечерними лекарствами Молодой доктор дал ему сонное питье. Он пользовал мистера Холлингворта с тех пор, как в прошлом году умер Старый доктор. Похоже, снадобья помогают.

Брайди поставила поднос на тумбочку. Хозяин лежал лицом к стене. Может, ночью ему стало хуже? Или начался жар? Брайди потрогала его лоб и, ощутив под ладонью безжизненный холод, заглянула хозяину в лицо. Открытые глаза смотрели в пустоту. Она всё поняла, и у нее сразу вздыбились волосы на руках,